

10. Козьмина Е. Ю. Жанровые традиции фантастического исторического романа в авантюрно-философской фантастике XX века / Е. Ю. Козьмина // *Folia Litteraria Rossica : Acta Universitatis Lodziensis*. 5. – Łódź, 2012. – S. 120–129.
11. Козьмина Е. Ю. Инвариант фантастического авантюрно-исторического романа / Е. Ю. Козьмина // *Новый филологический вестник*. – 2015. – № 2 (33). – С. 24–43.
12. Кристи А. Загадка Эндхауза / А. Кристи. – URL: <http://bit.ly/1Us9eOD> (дата обращения 01.06.2016).
13. Кристи А. Убийства по алфавиту / А. Кристи // *Сочинения*. В 3 т. Т. 1. – М. : Худож. лит., 1992. – С. 171–350.
14. Лотман Ю. М. О дуэли Пушкина без «тайн» и «загадок» : исследование, а не расследование / Ю. М. Лотман // *Пушкин*. – СПб. : Искусство-СПб., 1995. – С. 375–388.
15. Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы / Е. М. Мелетинский ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького АН СССР. – М. : Наука, 1990. – 279 с.
16. Федунина О. В. Кругозор героя в криминальном нарративе: жанровый аспект / О. В. Федунина // *Narratorium : Междисциплинарный журнал*. – 2012. – № 2 (4). – URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2628912> (дата обращения 01.06.2016).
17. Щеглов Ю. К. К описанию структуры детективной новеллы / Ю. К. Щеглов // *Поэзия. Проза. Поэтика : избранные работы*. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 86–107.
18. Doyle A. C. The Naval Treaty / A. C. Doyle. – URL: <http://bit.ly/25QmibY> (дата обращения 01.06.2016).
19. Doyle A. C. The Reigate Puzzle / A. C. Doyle. – URL: <http://bit.ly/1Plq1RV> (дата обращения 01.06.2016).
20. Panek L. L. Play and Games : An Approach to Poe's Detective Tales / L. L. Panek // *Poe Studies*. – Vol. X, no. 2. – December 1977. – Pp. 39–41.
21. Poe E. A. The Murders in the Rue Morgue / E. A. Poe. – URL: <http://bit.ly/1UJr9Qz> (дата обращения 01.06.2016).
22. Symons J. Bloody Murder : From the Detective Story to the Crime Novel : a History / J. Symons. – Harmondsworth, GB : Viking, 1975. – 262 p.
23. Wright W. H. The Great Detective Stories / W. H. Wright. – URL: <http://bit.ly/1UISrya> (дата обращения 01.06.2016).

В. И. Клепикова

Специфика функционирования вставных конструкций в рассказах Д. Рубиной

Аннотация: статья посвящена анализу специфики функционирования вставочных элементов в произведениях Д. Рубиной, проведенному на примере рассказа «Терновник». Проанализирована связь между семантическим и структурным аспектами вставок, отмечено их взаимодействие с предложением,

в состав которого они включены, а также сделан вывод о специфике использования вставок в конкретном художественном произведении. Выделены характерные стилевые доминанты поэтики Д. Рубиной, нашедшие отражение во вставных конструкциях данного рассказа. Сформулированы такие функции вставок, как создание второго сюжета, развивающегося параллельно динамике основного действия, и детальное раскрытие двух пересекающихся образов, наиболее важных с точки зрения автора-повествователя.

Ключевые слова: лингвистический анализ текста, функции вставных конструкций, Д. Рубина, образ автора-повествователя.

Particularity of functioning insert constructions in D. Rubina's stories

Abstract: the article is devoted to the analysis of the specific of the functioning insert constructions in the D. Rubina's stories, conducted on the example of the story "Ternovnik". The interaction of the semantic and structural aspects of insert constructions is analyzed, the interaction with a proposal, in which they are included, is mentioned, and a conclusion about the nature of using the insert constructions is made on the basis of a specific artwork. Characteristic style dominants of D. Rubina's poetics, reflected in the insert constructions of this story, are noted. Such functions as a creation of a second story, which develop together with the main action, and detailed disclosing of the two cross images, the most important from the narrator's point of view, are formulated.

Key words: linguistic analysis of text, functions of insert constructions, D. Rubina, author-narrator's image.

Статья посвящена анализу специфики функционирования вставных конструкций в рассказе Д. Рубиной «Терновник», который сложен и в семантическом, и в структурном плане. В нем повествуется об отношениях мамы и сына, живущих вдвоем. С отцом мальчик встречается по выходным.

Описание событий ведется от лица безличного автора-повествователя. Мать и сын живут в маленькой квартире. Марина (так зовут мать) постоянно подрабатывает, выполняет «левую работу» (которая стала почти членом их семьи), чтобы прокормить мальчика и оплатить жилье. Однако бывают минуты, когда они искренне веселятся, играют, разговаривают по душам. Такие моменты очень дороги ребенку, он любит свою маму. «Но чаще они ругались», поводов для этого было много. Часто это выливалось в скандалы: «Хватала ремень, хлестала по чему попадала – не больно, рука у нее была легкая, – но он орал как резаный». Вставная конструкция в данном предложении показывает один из моментов скандала, когда мать, выведенная из терпения, средством наказания выбрала ремень. Конечно, она не могла ударить больно, что доказывает вставка: рука у мамы не хлесткая, не тяжелая, но мальчик кричит от обиды, унижения и досады.

«Левая работа» все чаще забирает маму у ребенка, рушит его планы: «В такие дни мать до ночи сидела на кухне, стучала на машинке, и бесполезно было пытаться обратить на себя ее внимание – взгляд отсутствующий, глаза воспаленные, и вся она взвинченная и чужая». Приведенная вставка описывает

состояние матери, работающей не только днем, но и ночью, чтобы семье было на что жить. Она устала, ее главная цель – закончить работу, а уделить внимание сыну просто некогда. Вставной элемент находится в конце предложения, что в целом не характерно для стиля Д. Рубиной, в рассказах которой они занимают интерпозицию. Так создается образ изможденной мамы в восприятии сына.

Квартира, в которой живут мама с сыном, называется ими «кооператив». Мальчику нравилось это слово, до переезда он представлял себе это вроде самолета или вертолета: «Мальчик придумывал грандиозное зрелище: вот он ждет их на взлетной полосе, сверкающий, узкий и легкий как птица – кооператив! Вот они с матерью – в комбинезонах, со шлемами в руках – шагают к нему через поле. И вот уже люк откинут, они машут толпе внизу, застегивают шлемы и, наконец, влезает в новейшей модели сверхзвуковой кооператив!» Вставка в этом предложении может быть понята и рассмотрена только на уровне более широкого, абзацного, контекста. Здесь вырисовывается детское воображение, игровое, масштабное (взлетная полоса, кооператив-птица, они с мамой в толпе). Вставная конструкция описательна: сын представляет себя с мамой супергероями или героями Советского Союза, которые полетят, возможно, в космос. А комбинезоны и шлемы напоминают снаряжение космонавтов.

Марина, разрываясь между работами, совершенно забыла про себя. Об ее образе заботилась тетя Тамара, которая часто заходила к ним в гости. Однажды она принесла серьги: «Серьги оказались красивыми, с нежно-зелеными камушками. Мать усмехнулась, надела их, и сразу стало видно, какая она хорошенькая, – глаза такие же, как серьги, зеленые и длинные». Вставка относится к зоне безличного повествования, эту красоту отмечают и тетя Тамара, и мальчик, которые смотрят на Марину со стороны, потом их чувства выражаются через прямую речь, что предвосхищает данная вставка. Вставные элементы относятся к зоне всеведущего автора, который знает о героях больше, чем они сами, и переводит их мысли и чувства (в данном случае – и мальчика, и тети Тамары) в вербальные образы.

Постепенно в канву повествования вплетается образ отца и квартиры, где раньше жила вся семья, где остались игрушки и многие вещи мальчика. Так было сделано, чтобы он чувствовал там свой дом, но: «Даже когда не существовало вообще никакого дома и они ютились у тети Тамары с дядей Сережей, его дом был там, где находилась „я” – ее голос, ее запах, ее черный свитер, ее жестикация и выкрики». Я – это буква, которая похожим образом складывается из веток терновника за окном квартиры, где живут Марина и ее сын сейчас. Дом там, где мама. Где мама, там дом. Это та мысль, которую развивает мальчик, а вставка подчеркивает самые дорогие и любимые черты, бытовые, даже чересчур обыденные, но оттого наиболее родные и дорогие, в маме. Не случайно в данной конструкции четыре раза повторяется местоимение «ее» вместе с рядом однородных дополнений, которое выделяет особую значимость мамы, ее важность в жизни мальчика [Мирошникова, 2015].

Для рассказов Д. Рубиной характерно нелинейное повествование: она будто фиксирует те моменты, которые неожиданно, по ходу рассказа, воспомина-

ются, затем переходит к другому и т. д. [Серго, 2017]. Один из подобных моментов, о котором упоминается, – это ситуация, когда мама в неподходящий момент пытается воспитывать сына: «Например, на днях, когда взрослые ребята – среди них был даже Борька из второго класса – впервые приняли его в игру, и он решил на радостях угостить всех конфетами». Для любого ребенка очень важен авторитет не только среди ровесников, но и среди старших. Во вставке акцентирована реакция мальчика на действия матери.

Марина заботится не только о своем ребенке, но и других людях, нуждающихся в помощи: дает нищему возле магазина гривенник, одевает детей молочницы, которые в дождь продают товар, причем делает это искренне, без оглядки. Вычерчивается образ Матери Терезы. Но вот, что думает малыш по этому поводу: «Она там внизу, должно быть, обнимает этих чужих детей, которые толком и спасибо-то сказать не могут, она заботилась о них, а родной сын ей – тьфу – пусть лежит одинокий где-то там, неизвестно где». Не первый раз в анализируемых нами рассказах встречается междометие «тьфу» в качестве вставной конструкции, которое создает негативную коннотацию. Это является стилиевой чертой в рассказах Д. Рубиной. В данном случае оно помогает понять, что малыш чувствует себя незначимым в жизни мамы, ему не хватает ее внимания.

Мальчик даже вынужденно расстался с самой дорогой игрушкой на тот момент, пожертвовав ее чужим детям, потому что так сказала мама: «Тогда он затрясся в рыданиях, сладкая, исступленная жалость к себе – обездоленному, одинокому – сжала горло, и он едва смог выговорить, икая...». Марина отнимает у своего малыша ценную вещь. Ему обидно, но он учится отдавать, что воспитывает в нем человека. Вещь – это всего лишь вещь, всегда можно купить новую, а другому человеку она может быть нужнее. В анализируемом рассказе вставки часто заключают в себе ряды однородных членов, которые полнее создают образ, необходимый автору [Мирошникова, 2015]. В данном случае – обиженного ребенка.

В рассказе мальчик показан взрослеющим: от детского сада – к школе. Подробно описываются учебные будни мальчика: поход в буфет, режим группы продленного дня, уроки ритмики, на которых приходилось танцевать: «Он продолжал топтаться под музыку, но уже совсем по-другому, потому что видел конец всему этому и хорохорился перед матерью – вот, мол, как он танцует вместе со всеми и не хуже всех. Мать только сдержанно кивала ему». Сын очень ждал прихода матери, потому что описываемое занятие не очень любил, и когда она появлялась, то он уже по-другому ощущал себя, стремился показать ей, как хорошо у него получается. Вставка вновь венчает предложение, в ней заключены мысли сына в момент, когда на него смотрит мама.

В школе важное место для ученика младшей школы занимает учитель: «И учительница попалась хорошая – Татьяна Владимировна, – молодая и ласковая, ее все сразу полюбили, девчонки лезли к ней под руки и ссорились, кто пойдет сегодня с правой стороны, кто с левой». Имя и отчество главного человека вынесено во вставную конструкцию не случайно: вставка не только реализует в себе попутные замечания, возникшие у рассказчика (см. [Русская

грамматика...,1980], [Современный русский язык, 1980]), но и акцентирует внимание на информации за счет сбивчивой интонации (читатель «натыкается» на вставочный элемент). Так, можно сказать, что учитель, особенно первый, вероятно значим и важен для мальчика.

Описывая будни, автор-повествователь не обходит и бытовые ситуации, например, процесс приготовления еды. Мальчик любил, когда мама ему что-нибудь рассказывала. Так в рассказ вводится мотив войны, связанный с образом бабы Шуры, человека доброй души, их соседки. «— Ну вот, значит, когда началась война... Поддай-ка, пожалуйста, нож... — он бросался к столу, молча подавал ей нож, только бы она не отвлекалась больше... — Когда война началась, баба Шура с мужем жили на границе, в местечке Черная Весь...». Вставка поясняет читателю мысли мальчика: ему так важно и интересно, что расскажет мама, поэтому главное — чтобы она не отвлекалась. Переход к мысли мальчика случается неожиданно, что демонстрирует тире, а многоточие олицетворяет страстное желание ребенка услышать окончание рассказа. Мотив войны и мотив тяжелой жизни в мирное время параллельны: тяготы бабы Шуры, о которой рассказывает мать, и трудности самой Марины — у каждого человека свой крест.

Когда Марина одевала чужих детей, баба Шура осудила ее. Читатель может считать бабушку бездушным созданием, но позицию раскрывает вставная конструкция (баба Шура уберегает от неблагодарности Марину): «А пробиравалась баба Шура к родным мужа, свекру и свекрови. И когда наконец добралась — ободранная, голодная, с двумя детьми, — те ее в штыки встретили. Мол, неизвестно, с кем ты второго прижила, знать тебя не хотим, самим жрать нечего, а тут ты еще на нашу голову свалилась». Вставка создает параллелизм тяготам Марины. Двое детей молочницы и двое детей бабы Шуры. Обездоленная Марина, живущая в кооперативе, и обездоленная баба Шура, оставшаяся одна после войны и вырастившая одна своих детей. Так поступает сейчас и Марина, в другое, не менее трудное, время.

В истории о бабе Шуре Марина делает акцент на ее волосах: «Когда кризис наступил, в бреду села на постели, косы распустила — густейшие были косы черные — и запела сильным голосом песню». Волосы — как символ стойкости, стержня человека, его энергии. Когда их остригли, отросшие заново были уже не такими.

Постепенно по контрасту снова вводится образ отца. Отец — это суббота, подарки, прогулки, отдых, веселье. Но в воскресенье мальчик уже скучает по матери, мыслями весь день с ней: «Может, стучит на машинке, может, стирает, а может, она пошла в магазин, встретила по пути Борьку — тот всегда в воскресенье болтается во дворе — и разговорилась с ним?» Во вставке — снова Борька, тот самый мальчик, мнение которого так важно малышу. Но здесь уже о нем говорится совсем иначе: они общаются, мать его знает и разговаривает с ним. Это люди, которые дороги малышу и по которым он скучает. Можно отметить местоименную замену в связи с образом Борьки, имя которого не называется: они уже близкие друзья. Воскресенье, конечно, тоже было наполнено событиями: «Потом они играли в железную дорогу, смотрели телевизор, обедали — отец жарил яичницу — и наконец, начинали собираться». Вставка — простое распространенное

предложение – акцентирует внимание читателя на приготовлении яичницы. По-видимому, отец часто ею угощал ребенка, раз она так запомнилась. Здесь тоже можно проследить контраст: мать готовит борщ, отец – яичницу. Они разные люди, даже в таких мелочах.

На протяжении всего рассказа мальчик глубоко анализирует происходящие ситуации, отношения матери и отца. Он для своего возраста очень многое видит и понимает, глубоко чувствует. А автор, занимающий позицию всеведения, облекает это в слова, стараясь через вставные конструкции более подробно и детально прокомментировать эмоциональное состояние героев. «В первый миг мальчик захотел взять фотографию и объяснить отцу – я забрал карточку, где веселая Марина, она ведь тебе больше не нужна, – но потом подумал, тихонько положил карточку на место и задвинул ящик...». Мальчику очень дорога мать. Он любит проводить с ней время, это драгоценные минуты его жизни. И особенно важно, когда она смеется, когда она счастлива. Вставная конструкция здесь передает сокровенные мысли ребенка. Предложение во вставке является сложноподчиненным с придаточным определительным. Как правило, синтаксическая структура основного предложения перекликается с синтаксической организацией вставки (см. [Мирошникова, 2015], [Русская грамматика, 1980], [Серго, 2017]). В данном случае наблюдается контраст – простое распространённое предложение в основной части, но сложное во вставке, что не является стандартным для стиля Д. Рубиной.

«Он медленно раздевался в комнате. Стянул через голову рубашку, помахал длинными пустыми рукавами, искоса поглядывая на стену – там бесновалась немая рубашкина тень, – и, вздохнув, сел на постели. Так хотелось рассказать матери про карусельную субботу!» Данная вставка является завершающей в произведении. Тень рубашки – параллель образу мальчика, у него тоже есть тень: он с матерью и он с отцом. Это два человека. То, что с отцом, – по большей части, тень, которая беснуется в нем. Это не настоящее. Мать растит человека, а отец, в основном, балует. Тень беснуется, ему хочется с матерью поделиться весельем субботы, но он понимает, что ее это не обрадует, поэтому дипломатично молчит, как привык делать обычно.

Сквозными в рассказе Д. Рубиной «Терновник» являются религиозный мотив (терновый венок Иисуса Христа как символ страдания), развивающийся на уровне основного сюжетного повествования, а также мотив войны (трагедия, смерть, тяжелый путь) и мотив космоса (возвышение, стремление ввысь, в будущее), которые находят отражение в более глубоком содержательном пласте рассказа – во вставках, имеющих подтекстную функцию.

Все три мотива олицетворяют жизнь Марины и ее сына – страдания, лишения после ухода от отца, но стремление выкарабкаться, желание помогать другим искренне, мечта о счастливом будущем (запланированная в конце поездки на море). Через параллелизм трех мотивов автор подводит читателя к мысли о том, что, несмотря на тяготы жизни, нужно не забывать о других людях и о собственных стремлениях к лучшему, светлому, счастливому.

Рассказ ведется безличным повествователем, вставки относятся к его

зоне, за исключением тех, что находятся в зоне прямой речи, в диалогах героев. Однако мнения, чувства, эмоции, выраженные во вставочных элементах, переживаются героями (в исследуемом нами рассказе – мальчиком, то есть выражают его мысли о происходящих событиях, о маме, о своем поведении и поведении окружающих людей): всеведущий автор переводит чувственные образы в вербальные. Так создается особая атмосфера детского мира, детского сознания, анализирующего мир взрослых. Кроме того, вставочные элементы раскрывают и образ главной героини – мамы Марины, самого главного для ребенка человека. Мы видим, какая она разная, какие эмоции испытывает (ребенок знает, как она отреагирует на определенную ситуацию, что стоит говорить, а что – нет и т. д.), прочитываем даже внешние детали (показательно, что таких деталей мало: ребенку важнее внутренние ощущения, эмоции, нежели внешний облик героини). Проскальзывают образы отца, друга Борьки, бабы Шуры, первой учительницы Татьяны Владимировны, есть и описание сокровенных мыслей и чувств самого мальчика.

Таким образом, вставки создают особый мир детства, в котором живет мальчик и через призму которого анализирует окружающий мир и поведение близких ему людей. Но детский мир не существует без мамы (ведь «дом там, где мама»), поэтому вставки создают и образ главной героини Марины, т. е. вставные конструкции, перекликаясь друг с другом и образуя единый поток, реализуют второй сюжет, подтекст (неотъемлемый в рассказах Д. Рубиной), который включает в себе два главных образа – матери и сына – и другие, связанные с ними, образы и мотивы. Второй план повествования помогает глубже раскрыть мир ребенка и тесно связанный с ним образ мамы в его восприятии, понять их взаимоотношения, прочувствовать их на уровне детских, наивных, искренних ощущений, оформленных с позиции всеведения автора-повествователя.

Список литературы

1. Мирошникова М. Г. Поэтический синтаксис в прозе Д. Рубиной (на материале романа Д. Рубиной «Вот идет мессия!...») / М. Г. Мирошникова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 841–845.
2. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения / А. Ф. Прияткина. – М. : Высшая школа, 1990. – 176 с.
3. Рубина Д. И. Терновник. – URL: <http://www.dinarubina.com/texts/tamburin.html> (дата обращения – 27.03.2017 г.).
4. Русская грамматика современного русского языка: в 2 т. – Т.2. – М., 1980.
5. Серго Ю. Н. Женская проза России: особенности художественной философии. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-proza-rossii-osobennosti-hudozhestvennoy-filosofii> (дата обращения – 25.03.2017 г.).
6. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 2 ч. – Ч. 2 : Морфология. Синтаксис / под ред. Е. И. Дибровой – М. : Академия, 2001. – 704 с.